

самого Архангельска откроется другое сообщеніе съ Петербургомъ: стоитъ только прокатиться верстъ 300 по онежской почтовой дорогѣ до того пункта, гдѣ окончится желѣзно-дорожная линія на бѣломорскомъ побережьѣ, а оттуда до столицы останется просто руку подать чрезъ чугунку; лѣтомъ же почтовый онежскій трактъ можетъ быть замѣненъ прогулкой на пароходѣ. Точно также желѣзная дорога доставитъ скорое и дешевое путешествіе для двадцати тысячъ богомольцевъ, ежегодно отправляющихся въ Соловецкій монастырь; а при такомъ удобномъ пути число ихъ увеличится по крайней мѣрѣ втрое.

Картинка изъ быта кореловъ.

Ночь 19 августа 1867 года.

У всѣхъ осѣдлыхъ народовъ, подѣ какимъ созвѣздіемъ ни родились бы они, подѣ какими градусами ни находилась бы ихъ страна, гдѣ только климатическія условія мало-мальски позволяютъ и почва доступна къ воздѣлыванію, у нихъ первымъ жизненнымъ дѣломъ является земледѣльство. Къ

числу такихъ первоначальныхъ воздѣлывателей земли принадлежатъ и мною описываемые корелы сѣверныхъ окраинъ. При самой неблагоприятной, бѣдной дарами природѣ мѣстности — трудятся, работаютъ они день и ночь, лѣто и зиму надъ хлѣбопашествомъ. Но какъ тщательно и усердно они ни стараются удобрить близъ своей хаты поля, а въ глуши лѣсовъ раздѣлать почву подѣ нивы, всѣ ихъ труды сопряжены съ большимъ рискомъ: во-первыхъ надо слишкомъ осторожно производить работы, чтобы не попортить растущаго строеваго лѣсу и не навлечь на себя обвиненій со стороны лѣсного начальства. Во-вторыхъ, самое дѣло стѣбитъ не малаго труда: въ этомъ году онъ вырубитъ лѣсъ, въ слѣдующемъ выжжетъ его, очиститъ, спашетъ — приготовить подѣ хлѣбъ. При этомъ главная его забота, — предохранить отъ лѣсныхъ пожаровъ, укрыть дымъ отъ глазъ лѣсного сторожа, — для чего и выбираютъ подѣ нивы мѣста какъ можно подальше отъ своего жилья — въ глуши лѣсовъ, верстъ за 15—20.

У сѣверныхъ кореловъ рѣдкіе годы удается отъ своихъ зеренъ получать сѣмена для посѣвовъ. Въ сильно неурожайные годы уже само правительство заблаговременно заготавливаетъ и доставляетъ въ каждую волость какъ сѣмена, такъ и ржаную муку для раздачи самымъ бѣднымъ жителямъ.

Въ такое время самага вошющаго голода до-

велось мнѣ однажды по коммерческимъ дѣламъ объѣзжать эту отдаленную страну и быть очевидцемъ во многихъ мѣстахъ раздачи нуждающимся муки и сѣмянъ. Правильность и добросовѣтность, съ какими исполнялось это дѣло въ отдаленной глуши нашего сѣвера, производили на меня особенно отрадное впечатлѣніе. Въ жизни никогда не забуду этихъ бѣдныхъ корель и корелокъ, — ни того, какъ ихъ пустые мѣшки наполнялись мукой и зерномъ, ни того, какъ они, съ радостными слезами на глазахъ, молились Богу и благодарили Государя и Царственного Наслѣдника за отеческое попеченіе о далекихъ жителяхъ сѣвера.

Само собою разумѣется, при посредственно урожайныхъ годахъ каждый долженъ заботиться о себѣ. Для этого имъ придется зимой, при хорошемъ санномъ пути, запастись всѣми жизненными продуктами на весь годъ. Есть мѣста, гдѣ изъ-за 300—400 верстъ придется добывать и везти какъ сѣмена, такъ и прочіе сѣстные припасы. А между тѣмъ я уже въ предъидущихъ моихъ письмахъ о сѣверной Корелии вкратцѣ упомянулъ о непроходимыхъ, превосходящихъ всякое описаніе по своей трудности, путяхъ сообщенія и зимою, и лѣтомъ.

Въ сѣверной Корелии только и сѣется рожь да ячмень; прочія произрастенія не успѣваютъ дозрѣвать отъ раннихъ осеннихъ холодовъ; эти ранніе

морозы вообще печально отзываются на всемъ бытѣ сѣвернаго края. Благодаря всему этому получается довольно неутѣшительная картина.

Если не соскучится читатель, то я могу описать одну изъ тѣхъ грустныхъ картинъ, которой я былъ очевидцемъ. Если картина эта будетъ немного растянута, за то она будетъ болѣе или менѣе подробна и понятна для читателя. Чтобы лучше и правдивѣе, и нагляднѣе представить всю картину здѣшняго крестьянскаго быта, начнемъ съ того, о чемъ я уже выше упомянулъ: съ обработки лѣсныхъ полей. Представимъ себѣ, что лѣтомъ мужичокъ сыщетъ мѣсто, слѣдующею весною вырубить лѣсъ, зимою добудетъ сѣмянъ и только на слѣдующее лѣто приступить къ обдѣлкѣ лѣсного поля. Тутъ прежде всего онъ выжжетъ поваленный лѣсъ, — и хорошо еще если онъ удачно и ровно сгоритъ, — опалить всю поверхность этой нивы, а въ случаѣ неудачи, когда останутся мѣста неопаленныя пламенемъ, придется вновь обжигать (надо при этомъ сказать, что это такая адская работа, что трудно представить другому); затѣмъ, послѣ обжиганія, онъ приступаетъ къ очисткѣ, засѣетъ и тщательно вспашетъ, т. е. вполне приготовить новую пашню. Но ему придется еще цѣлый годъ ожидать, что Богъ дастъ: удачно ли имъ выбрана почва, хорошо ли вышли сѣмена, какіе всходы у озимей, какъ бы ихъ

засуха не испортила, какъ бы сильные дожди не испортили. Наконецъ, мужичокъ видитъ, что все удалось какъ нельзя лучше: сѣмена удались добрыя, всходы озимей хороши; однимъ словомъ, урожай предвидится на славу. Но еще остается самое главное: какъ-то все это доспѣетъ? Эта забота не покидаетъ землепашца ни на минуту — вплоть до самаго августа.

Вотъ наконецъ ужъ и августъ на дворѣ: рожь колосится—цвѣтетъ, отцвѣла хорошо. Земледѣлецъ не нарадуется; со своею бабою и ребятишками, которыхъ больше полудюжины, ходитъ полюбоваться на поля; всѣ умиляются, что Богъ не пренебрегъ ихъ трудами, и назначаютъ ужъ время, когда начнутъ жатву. Но вотъ что бываетъ потомъ зачастую.

Въ одинъ прекрасный день, примѣрно скажемъ—около половины августа 1867 года—одно мнѣ известное такое же трудящееся семейство работало съ веселымъ сердцемъ и съ удвоенною силою новое поле въ лѣсу, далеко отъ жилья. Окончивъ посѣвъ лѣсной нивы, мужикъ съ женою и тремя старшими дѣтьми всѣ вмѣстѣ набожно преклонили колѣни, усердно помолились Богу и, благословивъ новый посѣвъ, пошли домой. Идучи дорогою и видя, что солнце еще довольно высоко на небѣ, не утерпѣли—

своротили отъ своего прямого пути въ сторону версты двѣ, гдѣ была ихъ лучшая лѣсная нива, чтобы еще на нее полюбоваться. Приблизившись къ дозрѣвающему полю, на которомъ такъ красиво дозрѣвала густая рожь, волновавшаяся какъ золотое озеро подъ дуновеньемъ тихаго вечерняго вѣтра, они долго наслаждались отраднымъ зрѣлищемъ, обѣщавшимъ драгоценный для скуднаго хозяйства прибытокъ. Постояли, поглядѣли, еще посудили—порядили о томъ, о семъ, потомъ общимъ совѣтомъ порѣшили, что черезъ недѣлю можно и жать. Набожно помолившись Творцу и душевно возблагодаривъ Создателя за богатый даръ, пошли себѣ домой. Дорога имъ была черезъ широкій лѣсъ, безъ малѣйшаго признака тропинки. Какъ я упоминалъ уже не разъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ—даже между деревьями—на открытыхъ борахъ и по болотистымъ равнинамъ тропа теряетъ свой слѣдъ. Дорога нашихъ возвращающихся тружениковъ привела къ берегу небольшого озера, гдѣ у нихъ была оставлена лодочка. На противоположномъ берегу этого озера, шириной версты 5, стояла ихъ деревушка и въ ней полдесятка дворовъ. Одинъ изъ ребятишекъ съ лошадыю пошелъ въ обходъ озера, а самъ мужикъ съ женою и съ двумя другими дѣтьми поѣхали въ лодочкѣ. По пути между островами они осмотрѣли рыбные промыслы—рыбы оказалось много; дѣти весело

гребли, разговаривая и шутя между собою; самъ мужичокъ сидѣлъ на кормѣ, правилъ лодочкою, а жена сидѣла посреди лодки, вынимая изъ сѣтей рыбу и поправляя сѣти. Между тѣмъ солнце уже начинало спускаться въ ровень съ вершинами высокихъ сосенъ, а лодочка приближалась къ деревушкѣ. Мужикъ съ бабою между разговорами постоянно поглядывали на небо, мѣняясь замѣчаніями насчетъ того, какая будетъ ночь: облачная или ясная? Последнее что-то ихъ очень тревожило, такъ что и разговоръ ихъ замолкъ, и лица нахмурились. Но дѣти, не обращая ни малѣйшаго вниманія на душевную тревогу родителей, своими шутками и болтовней перебивали ихъ серьезныя рѣчи. Одинъ показывалъ руками на берегъ, гдѣ была деревушка, съ словами: „Вотъ у насъ уже баня топится! Видите—ребята собрались на берегъ—ждутъ теперь насъ“. Лодочка причалила къ берегу. Съ десятокъ ребятшекъ малъ-мала меньше тѣснились вокругъ нихъ, и каждый торопился раньше другого броситься въ объятія отца и матери. Отъ радости кто кричалъ, кто смѣялся, кто плакалъ. Не успѣли отецъ съ матерью выйти изъ лодки на берегъ, какъ вся эта шумная орава бросилась съ поднятыми ручонками обнимать ихъ; повисли—кто на рукахъ, кто на шеѣ. Кто можетъ описать эту усладу родительскаго сердца при встрѣчѣ послѣ пятидневнаго от-

сутствія съ дѣтьми, которыхъ они нашли здоровыми и веселыми? Ощущать и оцѣнить ее можетъ только тотъ, кто самъ не утратилъ простоты патриархальнаго быта; люди свѣтскіе, ведущіе аристократическій образъ жизни, ее не поймутъ.

Счастливые родители безъ счету наговорили ласковыхъ словъ, а дѣти въ отвѣтъ налепетали вмигъ до сыта; потомъ всѣ съ веселымъ шумомъ скрылись въ избушку. Тамъ всякій занялся своимъ дѣломъ. Малютки съ матерью чистили рыбу, а прочія дѣти постарше занялись остальнымъ хозяйствомъ; тутъ же въ скорости и баня поспѣла (у сѣверныхъ народовъ единственное удовольствіе — каждый вечеръ париться въ банѣ; особенно это принято въ Финляндіи). На ужинъ рыбы наварили вдоволь, накрыли на столъ и по обычаю еще не испорченной простоты—всѣ, одновременно помолвившись Богу, смиренно сѣли за столъ, потомъ, сытно поужинавъ, всѣ одновременно встали и поблагодарили Бога.—Послѣ ужина что же остается дѣлать, какъ не ложиться спать? Пока на полу избы стелютъ постель, дѣти шумятъ, рѣзвятся и играютъ; отецъ съ матерью смотрятъ любовно на веселыя игры дѣтей. Наконецъ передъ сномъ заставляютъ ихъ снова молиться Богу, кто какъ умѣетъ,—и дѣти сейчасъ же засыпаютъ сладкимъ сномъ, а мать и отецъ не разъ между тѣмъ заглянули въ окошко, и ви-

дять, что воздухъ дѣлается свѣжѣе, а небо яснѣе. Усыпавъ дѣтей и въ свою очередь усердно помолясь Богу, они готовятся тоже ко сну. Но все что-то удерживаетъ ихъ: какъ ни стараются они показать другъ другу, что ложатся спать въ спокойномъ расположеніи духа, но тяжелые вздохи выдаютъ ихъ грустныя предчувствія. Они украдкой другъ отъ друга стараются взглянуть въ окошко, причемъ уста ихъ снова шепчутъ тихую молитву. Наконецъ все затихаетъ въ избѣ. Повидимому ночь успокоила всѣ дневныя тревоги.

А небо и воздухъ между тѣмъ дѣлаютъ свое дѣло, не обращая ни малѣйшаго вниманія на обитателей этой хижины: воздухъ свѣжѣетъ, небо яснѣетъ и все усыпано блестящими звѣздами, которыя такъ и заглядываютъ въ окошко хаты, какъ бы желая яркимъ блескомъ своего свѣта усыпить и усладить сонъ бѣдныхъ тружениковъ. Но увы! Выходитъ наоборотъ: ясность неба, яркость блестящихъ звѣздъ живущимъ въ хижинѣ спать не даютъ.

То мужъ украдкой, тихо, выйдетъ на улицу посмотрѣть на погоду; то жена, чуть дыша, поднимется тихонько, чтобы мужъ не услышалъ.

Такъ проходитъ вся ночь. Вотъ начало и разсвѣтатъ. Воздухъ все болѣе свѣжѣетъ... А вѣдь достаточно нѣсколькихъ часовъ, даже одного часа, чтобы холодъ взмахнулъ своими крыльями въ видѣ легкаго

морозика — и все готово! И вотъ и мужъ, и жена уже замѣтили слѣды его посѣщенія: легкій, чуть видный, но для нихъ роковой и зловѣщій иней. Инстинктивно, въ одинъ моментъ, оба заговорили — не могли удержаться; оба навзрыдь зарыдали — такъ сильно, что цѣлый рядъ спавшихъ на полу ребятишекъ проснулся и какъ бы по инстинкту зарывѣлъ въ свою очередь. Старшія дѣти плакали, понимая, въ чемъ дѣло; а младшія плакали потому, что видѣли, какъ плачутъ ихъ мать и отецъ. Дѣти пристали съ разспросами; мать прижала къ груди двухъ малолѣтокъ-близнецовъ, другою рукою держала грудное дитя, еще неспособное принять участіе въ общемъ горѣ, а четвертый ребенокъ — уже на пятомъ годку — поднимая ручонки, невиннымъ и непонятнымъ дѣтскимъ лепетомъ, заглядывая матери въ лицо, спрашивалъ: „о чемъ мама плачетъ?“... Бѣдная мать отъ слезъ и отъ душевной боли силилась отвѣтить ребенку, но рыданія заглушали слова, и она сильнѣе начала прижимать эту грудку дѣтей къ груди своей и, съ материнскою нѣжностью цѣлуя малютокъ, повторяла имъ только: „Милыя крошки! Богъ насъ оставилъ безъ хлѣба!!!“

Почтенный читатель! не подумайте, что въ такихъ случаяхъ подобная сцена происходитъ только въ одной этой, мною описанной, хатѣ. Нѣтъ, — при

подобныхъ явленіяхъ повсюду на сѣверѣ повторяется то же самое. Не въ лачужкахъ и хижинахъ, а въ десяткахъ тысячъ порядочныхъ домовъ — и въ Финляндіи, и въ Олонецкой, и въ Архангельской губерніяхъ. Неурожай послѣднихъ шести лѣтъ и особливо 1867 года окончательно подорвали благосостояніе крестьянскаго хозяйства. Въ сѣверной Финляндіи подобнаго рода сцены происходили даже на зажиточныхъ мызахъ.

Съ дальняго Сѣвера.

(Изъ писемъ сѣверяка ¹⁾.)

Простите меня великодушно за долгое мое молчаніе и медленный отвѣтъ на ваше письмо. Все дѣла, дѣла и суета суетъ сего міра тому причиною. Да впрочемъ не скоро и не легко доходятъ сюда до меня, гдѣ я въ настоящее время обрѣтаюсь, а равно и отсюда до васъ, письма и вѣсточки. Но прошу напередъ не пугаться здѣшнихъ пустынь, которыхъ я слегка коснусь въ этомъ письмѣ. Мо-

¹⁾ Было напечатано въ „Олонецк. Губ. Вѣдом.“ 1873 г., № 77.

жетъ быть скоро увидимся; какъ-нибудь выберусь и я изъ здѣшняго захолустья.

А въ самомъ дѣлѣ, куда какъ жалко разстаться съ здѣшними мѣстами! Представьте здѣшнія живописныя окрестности: взглянешь въ одну сторону — лѣса да озера, въ другую — лѣса да болота; въ третью сторону обратишь свои взоры — лѣса да глушь, а въ четвертую — неизмѣримая даль пустыни. И хотя въ зимнее время, какъ я писать вамъ, я нахожусь здѣсь въ царствѣ оленей, которыхъ здѣсь больше, чѣмъ у васъ на Невскомъ лошадей, а лисиць здѣсь больше, чѣмъ у васъ собакъ по улицамъ бѣгаетъ, но зато вѣчно нѣмая пустыня, сугробы снѣга и отсутствіе солнца, которое покажется всего на нѣсколько часовъ надъ вершинами деревъ, обогнетъ сводъ неба и скроется; однимъ словомъ, — мракъ вьюги, стужи и трескучіе морозы. Однако теперь здѣсь въ самомъ дѣлѣ хорошо. Не даромъ простой народъ говоритъ: солнце праведное одинаково свѣтитъ бѣднымъ и богатымъ. Вотъ на самомъ дѣлѣ и въ настоящее время оно какъ будто платитъ намъ за свое отсутствіе въ зимнюю пору болѣе чѣмъ двадцати-часовымъ свѣтомъ и тепломъ въ сутки, и только на нѣсколько часовъ скрывается съ нашего горизонта на покой. Но въ этой короткой здѣшной лѣтней ночи такъ свѣтло, что я своими плохими глазами въ состояніи за версту узнать человѣка по